

Традиции национальных культур

Наталья Лескова

Затерянный мир

Кацкари – кто они?

В четырех часах езды от Москвы чудом уцелел уникальный субэтнос – кацкари.

На крайнем западе Ярославской области течет небольшая – 57 км длиной – река Кадка, которой, наверное, суждено было затеряться среди сотен и тысяч подобных рек России, если бы не кацкари – жители, населяющие ее берега. Это люди русские, но весьма необычные: со своими традициями и обрядами, особым диалектом, в котором более двух тысяч оригинальных слов, так что приезжие (или, как их называют кацкари, «заволосные», из других, стало быть, волостей) могут «не смутить, про што розговор», то есть ничего не понять. Самое поразительное, что для них это не игра: крошечный народ живет своей заповедной жизнью, блюдет многовековые традиции, «бахорит» на своем языке и не собирается этим правилам изменять. Проезжая через центр кацкого

Автор выражает благодарность Сергею Темняткину за помощь в подготовке и оформлении материала.

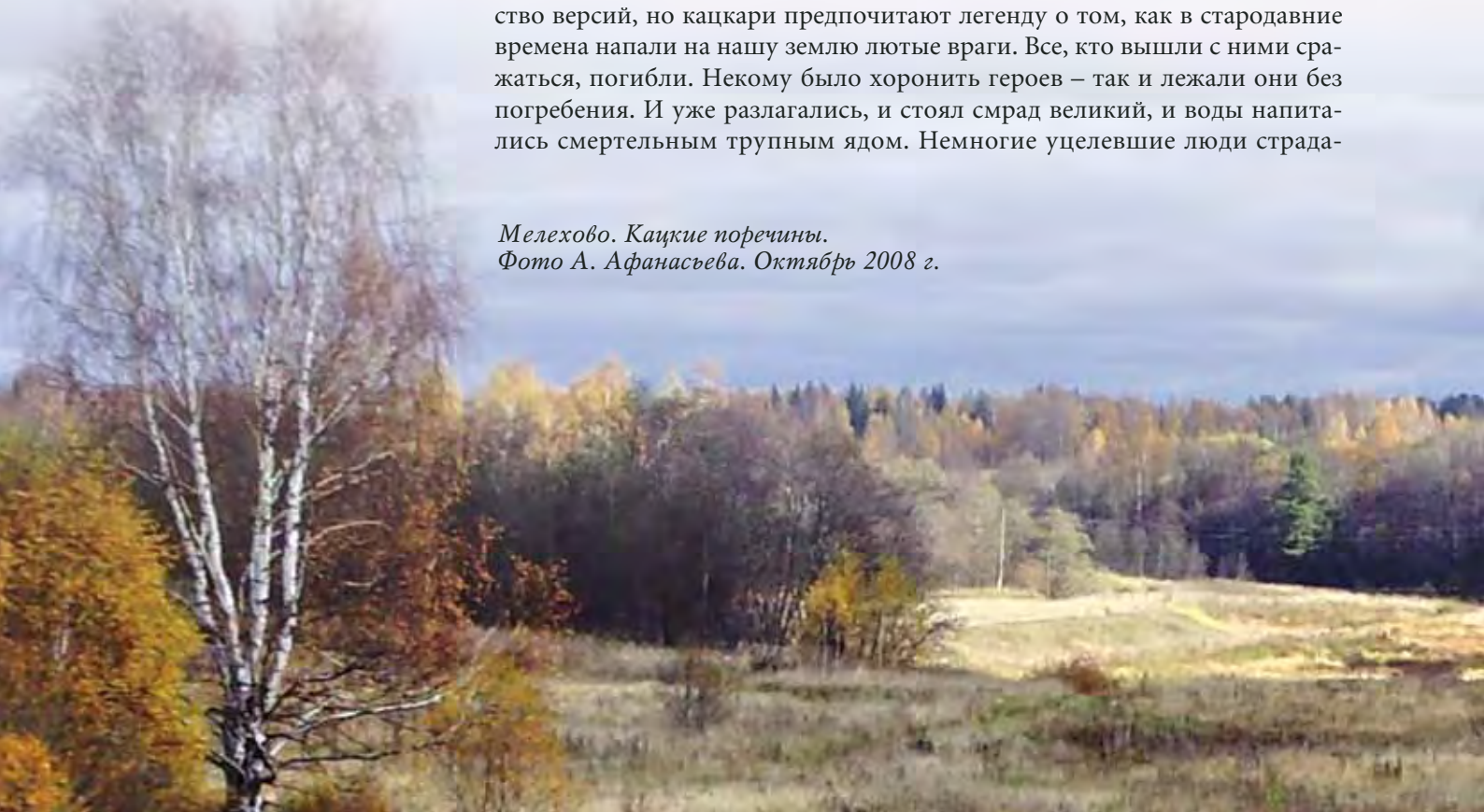

Платуново. Крестный ход. Август 1886 г.

стана – деревню Мартыново, будто попадаешь в иной, затерянный мир, и особенно сказочным кажется он в зимнюю пору.

Письменная история Кацкой волости начинается с 1461 года, когда Московский великий князь Василий Темный в завещании повелел: «Даю своей княгине волость Кадку». О происхождении названия реки есть множество версий, но кацкари предпочитают легенду о том, как в стародавние времена напали на нашу землю лютые враги. Все, кто вышли с ними сражаться, погибли. Некому было хоронить героев – так и лежали они без погребения. И уже разлагались, и стоял смрад великий, и воды напитались смертельным трупным ядом. Немногие уцелевшие люди страда-

*Мелехово. Кацкие поречины.
Фото А. Афанасьева. Октябрь 2008 г.*

ли от жажды. Всех спас какой-то сообразительный мужичок. В русле реки нашел он родник – студеная водица была со дна, но тут же мешалась с отравленной речной водою. Взял он тогда кадку-кадушку – большую деревянную бочку, – выбил днище и посадил на родник. Ядовитую воду вычерпал, и вскоре наполнилась кадushка чистой ключевой водой. Все туда ходили, говоря: «Пошли на кадку!» Потому и назвали реку и саму местность, по которой она течет, Кадкой. А местных жителей – кацкарями. Этнологи замечают, что наличие самоназвания и противопоставление себя окружающим, «заволосным» – верный признак малой этнической общности, или субэтноса.

Сто лет назад это был богатый край: в 130 поселениях волости проживало 22 906 кацкарей, стояло 11 каменных церквей и одна деревянная, 9 часовен. Функционировало 27 школ, библиотека, больница, 22 ветряные мельницы. Были и овчинная мастерская, и сапожная; 14 кузниц. А уж торговых заведений не сосчитать! Теперь селений всего 80, а кацкарей в них – 2020 человек. Все – чистокровные, ни одного дачника, любят подчеркнуть они. Церковь служит одна, да и то с трудом восстановленная, школ – пять. Единственная больница пока не закрылась, хотя «если что серьезное, лучше в город», признаются местные жители. Город – это Углич, до него около 50 километров. Зато у кацкарей есть собственный журнал «Кацкая летопись» и целых два музея – краеведческий и этнографический. Один из них на голом энтузиазме создал любитель родной истории, житель села Мартыново, бывший учитель местной школы Сергей Темняткин. Видимо, благодаря этим усилиям здесь не перевелась молодежь: ведь туристов приезжает до десяти автобусов в день, а их надо принимать, развлекать и угощать, чем все мартыновцы усиленно и занимаются. Работники музея – бывшие ученики Темняткина.

Язычники

Особенностей у кацкарей «цельнее голомёно» – то есть немало. Фольклор представлен «прибайкям» (небольшими стихами), «укоронам» (мифами) и «коменничаньями» (пьесами деревенского театра). «Коменничать» – значит «ломать комедию». И точно – в «театре бабы Мани» люди

Фрагмент экспозиции Этнографического музея кацкарей. Мартыново. Фото Ирины Мелких. 2011

Знаменское. Храм, построенный в 1784 году Николаем Андреевичем Тютчевым. Фото А. Афанасьева. Октябрь 2008 г.

падают с лавок от смеха, когда «переодетые на оборот» герои сватают своего непутевого сынка к «приезжей девке» Огашке (в ее роли выступают все по очереди туристки), а «баба Маня», не подбирая выражений, бракует всех невест подряд: «Ето откуда же ты к нам, такая монная, примаскалила? С самоёй Москвы?! К нашему-то обормоту?...» Кстати, кацкое выражение «примаскалить» означает вовсе не пренебрежение к москвичам, а обычный глагол «приехать», «прийти», происходящий от финно-угорского «маск» – «путь». До того, как в IX–X веках нашей эры в эти края пришли предки славян вятичи, здесь жили финно-угорские племена *меря*, которые потом ассимилировались, перемешались со славянами, а вот некоторые слова в кацком диалекте остались. Так что кацкари имеют смешанную кровь, и даже внешне многие из них голубоглазы и беловолосы, как скандинавы.

Смех смехом, но, оказывается, привычка бранить невесту, отыскивая у нее изъяны, – один из местных обычаев, без которого не проходит ни одно сватовство. Будущая невестка должна суметь во всем угодить свекрови: и умение свое во всем показать, и покорность выказать, и характер при

этом выдержать. Выражение «Дарома, да не больнѐ» (хорошо, да не очень) – к концу действия знают и с удовольствием повторяют все «гляженные» – те, кто приехал на все это поглядеть. А вот про то, что мы называем словом «плохо», кацкарь, ничуть не смущаясь, говорит: «говѐно!» Колоритное словечко вызывает у приезжих гомерический хохот, но, оказывается, этимология его не так проста, как кажется на первый взгляд. Она идет корнями в начало христианских времен, когда в этих краях стали насаждать многодневные посты. Нашим предкам язычникам не нравилось говеть, голодать, обходиться скудной пищей, потому это слово и стало носить негативный смысл.

Встречая на пороге гостей, хозяйка кланяется и произносит странное пожелание: «Пусть к вам примаскалит Белая Корова!» Оказывается, пожелание доброе – Белая Корова в этнической культуре кацкарей олицетворяет Солнце и сулимое им тепло, плодородие, здоровье и процветание.

«Кацкие укороны (то есть мифы) – явление уникальное уже потому, что сохранились до наших дней, – говорит Сергей Темняткин. – Все мы хорошо знаем мифы Древней Греции или Древнего

Кацкая поконница (герб)

Рима – в школе их изучаем, но кто сможет рассказать мифы наших предков-славян? А кацкари свои укороны помнят и рассказывают». Белая Корова является «поконницей», то есть символом кацкого стана, потому и на здешнем гербе царит. Кацкари, хоть и стали давным-давно православными, в душе остаются язычниками – солнцепоклонниками. Луну, восходящую на небосводе с заходом Солнца, у них олицетворяет Белая Кобыла – символ Смерти; они ее побаиваются и говорить о ней не любят.

Кроме Белой Коровы на гербе четко видны два скрещенных топора. Это дань еще одному преданию – о злом духе Чугрее, который похищает мужиков. Ничего тот дух не боится, кроме топора. Поэтому с древних времен здесь завелся обычай – перерубать за собой топором след крест-накрест. А главный кацкий храм именуется Никольский на Топоре, или же Николо-Топор...

Мартыново. Этнографический музей кацкарей.
Фото Ирины Мелких. 2011

Платуново. В комнате (на кухне) крестьян Чистяковых. 1908

Молоко для Ужа

Идея создать в Мартыново историко-этнографический музей родилась не так давно. В 2000 году из деревни уезжала в город к дочери старая бабушка Александра Ивановна Григорьева – тяжело ей стало в 87 лет обихаживать огромную крестьянскую избу. Дом она продавала, и покупатель нашелся, но не обычный. Покупку старинного, 1910 года постройки дома профинансировала администрация Ярославской области. Так началась жизнь Этнографического музея кацкарей, муниципального учреждения культуры Мышкинского района.

Сейчас музей – это три крестьянские избы с хозяйственными постройками, где экспозиции наполнены местным кацким колоритом, а потому неповторимы. За аутентичностью кацкой культуры сюда едут со всего света – даже из Америки и Европы, но больше всего, конечно, москвичей. Для них путешествие в затерянный, но живой мир кацкарей становится настоящей экзотикой. Здесь огромное хозяйство – куры,

утки, лошади, бараны и прочая деревенская скотина. Всех можно покормить: одни с аппетитом берут хлеб и зерно с рук; другим – таким, как жеребчик Малко, – предупреждают, лучше бросать угощение с безопасного расстояния: ретив и кусач. Живность в кацком стане – это не зоопарк, она есть в каждом дворе, кормит всю округу и приносит неплохой доход за счет продажи молока, сметаны и яиц туристам.

«Наш быт в целом сходен с бытом среднерусского крестьянина, но есть и свои отличия, – рассказывает Сергей Темнякин. – Только здесь можно увидеть льняную кацкую уздечку (обрать), сплетенный из еловых кореньев дуршлаг (тузлык), сделанную из бычьего пузыря погремушку (громотуху), а блюдечко с молоком на окне – вовсе не для кошки, а для другого нашего мифологического персонажа, летающего огненного Ужа Палучато, он, по преданию, приносит богатство. Такие блюдечки и сегодня ставят на подоконник наши хозяйки – на всякий случай».

Уж Палучато не брат-близнец Емелиной Шуки. Удача никогда не привалит тому, кто гнушается трудной работы. Кроме того, богатство не принесет счастья,

Мартыново. Традиционная кацкая кудельная кукла. Фото Ирины Мелких. 2011

Мартыново. Экспозиция Этнографического музея кацкарей. Фото Ирины Мелких. 2011

Двяконовка. Хождение со свадебными красами. Ноябрь 1956 г.

если его обладатель не пожелает поделиться им с окружающими. Жадному будет одно несчастье, тяжкие хвори и безвременная смерть. Так полагали кацкари – народ щедрый и работающий, согласно этим принципам они стараются жить и сейчас.

Бахорят по-кацкие

Посетив музей, посмотрев деревенское представление, покормив животных и, наконец, отведав томленной кацкой картошки и щей, сваренных в печи, чувствуешь ни с чем не сравнимое блаженство. И все-таки в глубине души остается заноза: а вдруг все это – умело разыгранное представление? Я решила задержаться в Мартынове, затеряться, так сказать, в толпе, и оказалось, что везде – на базаре, в магазине, на улице – местные жители говорят на своем непередаваемом чудном диалекте, так что до меня долетает лишь общий смысл сказанного. «Чем обызьянилась, Матрена?» – кричит через улицу одна бабка другой, видя у той пухлую сумку. «Колбасой да сёлёдочкёй!» – отвечает та. Оказывается, слово «обызьяниться» ничего общего с хвостатыми приматами не имеет: это

означает расплатиться, нанести изъяз, урон своему кошельку.

Еще удивительнее – школа, где в обязательном порядке проходят уроки родной местной истории, изучают кацкие народные обряды и обычаи.

Учитель объясняет, что старые обычаи связаны с представлением наших предков об устройстве мира. Оказывается, свадебный и похоронный обряды – ближайшие родственники, потому что они олицетворяют переход в мир иной. Поэтому в обоих случаях принято плакать и щедро посыпать землю еловыми ветками – ель символизирует этот переход. Зима у кацкарей, как и у других славянских народов, прочно ассоциировалась со смертью, именно поэтому перед наступлением Рождества было принято наряжать елку. Украшение святочной елки по-кацки – «убанчиваньё». Отчего так? Да от старинного обычая кацкарей повязывать на нее «вязки» (лоскутки материи), то есть «набанчивать», «убанчивать» ее. Такая красавица – без всяких шаров и гирлянд! – стоит посреди двора (на одворице), и каждый, кто принял участие в украшении, может загадать желание, которое обязательно сбудется. Навешивая на ветви такие украшения, а также пряники и самодельные

конфеты, кацкари надеялись ублажить духов Смерти и прежде всего Белую «лунную» Кобылу, чей приход не сулил ничего хорошего.

Зиму кацкари ожидают уже с Покрова (14 октября), когда, по их уверениям, выпадает первый снег: «Покров-батюшка, покрой землю-матушку. Землю снежком, а меня – женишком!» К Покрову прекращались всякие работы в поле и огороде; зерновые, как правило, тоже были уже обмолочены. Принимались за лен: мяли его и трепали вплоть до Рождества (7 января), а пряли с Филиппова дня (27 ноября) до самой Масленицы.

По-настоящему крепкие морозы посещают кацкарей в зиму пять раз: Никольские (19 декабря), Рождественские (7 января), Крещенские (19 января) Афонасьевские (31 января) и Сретенские (15 февраля). А вот самая сильная оттепель – на Введенье (4 декабря): «Введенье – расколется ледень».

«Названия многих дней в зимнем народном численнике очень выразительны, – говорит учитель. – Попробуйте-ка определить, почему с такой тревогой, то и дело пересчитывая запасы на зиму, кацкари ожидают Петра Полукорма (29 января) и Аксинью Полухлебницу (6 февраля)?» Дети тянут руки: кре-

Марьиново. Набанченная рождественская ёлка.
Фото Ирины Мелких. 2011

Марьиново. Музейный колодец.
Фото Ирины Мелких. 2011

стьяне опасаются, что пропитания, запасенного с осени, им и животным до весны не хватит, придется голодать. Не дай Бог, падеж скотины начнется.

Никакое другое время года у кацкарей не может соперничать с зимой по количеству обрядов. Это и понятно: с одной стороны, прекратились изнурительные полевые работы и у крестьян появилось свободное время, с другой – никогда на земле не бывает столько нечистой силы, как в царство холодной Луны – Белой Кобылицы. Защита от нечисти, вот главный смысл зимних праздников.

Свою зиму кацкари делят на Филипповки, Святки, Мясоед и Масленицу. Филипповки тянутся долго (с 27 ноября по 6 января), но весело. Все шили костюмы, делали «хари» – рядились в черта, бабу-ягу, мужика, цыганей, солдата, покойника. Являлись на «биседы», устраивая пляски и комедничая, – отпугивали нечисть, которая, как известно, пуще всего боится человеческого смеха. Этот обычай сохранился до наших дней.

Мартыново. Фрагмент экспозиции Этнографического музея кацкарей. Фото Ирины Мелких. 2011

У кацких стариков и сейчас глаза загорают, как вспомнят святые вечера – Святки (с 7 по 18 января). Вот уж где «струшненья», вот уж «гляжения»! Ребятишки сразу после службы в церкви (а она заканчивалась за полночь) сбивались партиями – партия мальчишек и партия девчонок – и отправлялись славить Христа – в каждый дом постучатся:

«Можно Христа прославить?» – «Можно!»

Присмирившими голосами пели духовный стих: «Рождество Твое, Христос-Боже наш, воссия миру свет разума...» А потом: «С праздником, дорогие хозяева!» И хозяева одаривали, кто презенцом, то конфетою, а кто и денежкой. На-

Николо-Топор. Никто здесь больше не живет...
Фото А. Афанасьева

утро, накупив в лавке лакомств – баранков да семечек, – устраивали ребячий чудо-пир.

А к вечеру 7 января уже шумели святошные «биседы» – для молодежи это было волнительное время возможного сватовства. Приданое себе девочка начинала ткать с 9 лет, и к 13 годкам у нее лежали целые тюки с добром. Семейные ходили колядовать: ряженые, с корзиною в руке, в каждом доме пританцовывали и пели частушки. С ними за это расплачивались – кто винцом, кто чем съестным, кто монетою, а кто и «повесьмом» льна, лен принимался в кацких лавках наравне с деньгами. Незамужним наступало время гадать и ждать суженого. В каком обличье он явится? Скажем, была примета: девушке в бане, раздевшись донага, выставить свой задок в окошко, и кто тебя коснется – тот и будет твой жених. Бывало, касалась их мохнатая рука – знать, сам черт решил к ней посвататься! И смешно, и жутко...

Сказ о Белой Корове

К концу февраля еще студено, но все смелее с каждым днем припекает Солнце – Белая Корова. Ему-то и посвящается на Руси Масленица, которую все безоговорочно воспринимают как проводы зимы и встречу весны. Масленицей, собственно говоря, и заканчивается кацкая зима: и пусть за окном снег да холод, но после Прохора (23 февраля) «старуха» (так звали зиму) охала: «Ой, худо мне – тепло идет, стужа кончается!»

У кацкарей Масленица длится восемь дней – от воскресенья до воскресенья. В чем ее своеобразность? Приходящая весной Масленица немыслима без огромного чучела Белой Коровы. Его здесь никогда не сжигают, несут на высоких шестах с песнями и танцами. Все восемь дней подряд едят такие же круглые, как светило, блины. А молодые, не успевшие пожениться в Мясовед, на солнышке клянутся в верной любви друг другу. Ну и палюшки, конечно же; костер – младший брат солнца.

В первое воскресенье сжигают «мясное заговенье», собирая костер из дров и соломы. Ко второй палюшке – в Прощеное воскресенье – относятся

основательнее. В Масленицу ребята по всей деревне бегают: «Давайте чего-нибудь!» И всяк вынесет: кто крынку худую, кто плетенку «бездённую», а кто и курицу со двора «околетую». И начнут «за огумнам» собирать Масленицу: накладывают дров, соломы, а в основание поставят елку и крынку молока. По краям натычут кольев, а на них развешат крынки, плетюги, курицу – кто чего подал. Зажгут, а народ поет. Как елка сгорит, так и крынка с молоком лопнет. Это значит, солнце победило тьму и жизнь продолжается!

Заканчивается кацкая Масленица всеобщим примирением. Все говорят друг другу: «Прости меня! – «И ты меня», целуясь в знак дружбы. Православное Прощеное воскресенье – отголосок этой древней языческой традиции. Кацкари вери-

ли и верят до сих пор: если очистить душу от обиды, жить будешь дольше и болеть меньше. Этой великой мудрости, помимо Христа, Будды и Лао Цзы, учат современные врачи, полагая, что злость, зависть и мстительность разрушают наш организм в самом прямом смысле слова. Только вот кацкари додумались до этого сами.

Сказ о Белой Корове, как и все кацкие мифы, похож на песнопение, читают его речитативом, нараспев:

«Зимой ли в стужу, в лето ли – неслетьё (ненастное), в вёсеннюю ли бездорожь или при осенних хизах (ветрах) – всёгда при струшненьях Сонцо-Белая Корова. С бёла до тёмки маскалит Белая Коровушка по нёбёсной глобке (тропке), зыкая на земь солнешную светлядь. Так было всёгда и так будёт

Фрагмент экспозиции Этнографического музея кацкарей. Мартыново. Фото Ирины Мелких. 2011

Мартыново. Дом Пресновых.
Фото А. Афанасьева. 2008

Фото Ирины Мелких. 2011

впредь, покуда стоит наш мир, и самую крепкую клятву обязательнѣ бают на Сонце-Белой Корове. Светлядь с теплядь, радость да именье, да и сама жизнь – всё это передати Белой Коровы. А на зѣмле, на кацких дворах, живут серѣди людей еѣные младшие сѣстры – зѣмные коровушки, такие жо мантурицы (труженицы), дающие благополучие».

А теперь послушаем ученых. Розалия Касаткина, главный научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН соглашается с тем, что само название *кацкари* скорее всего связано с названием реки: *Кадка* – *кадский* – *кацкий*. А вот название реки скорее всего не русского, а финского происхождения (может быть, *Катка* или как-нибудь ещё), как и названия большей части рек на этой территории, и связанная с этим названием легенда относится к области народной, или ложной, этимологии (ср., например, ложную этимологию названия реки *Яхрома*). О диалекте – это типичный окающий среднерусский говор, распространенный на территории гораздо большей, чем долина реки Кадки. Лексические примеры, представленные в очерке как некие экзотизмы, обычны для этой местности, все они содержатся в многоотомном «Словаре русских народных говоров». Сохранение старинных обычаев, которые рань-

ше бытовали на всей территории России, – заслуга местных энтузиастов.

Владимир Кляус, заведующий кафедрой Института мировой литературы РАН, доктор филологических наук, напоминает, что субэтнос – понятие, введенное Львом Гумилевым в пассионарной теории этногенеза. Субэтническая группа – общность людей, которая проживает компактно и является органической частью своего этноса, но обладает групповыми особенностями культуры, осознает свое отличие от остальной части общества, имеет самоназвание и как бы двойственное самосознание – принадлежности к этносу и субэтносу одновременно (например, казаки в составе русских, нагайбаки в составе татар). Согласно подсчетам Льва Гумилева, срок существования этноса – 1200–1500 лет, субэтноса внутри него – того меньше. И хотя теория Гумилева не бесспорна,

многочисленные субэтносы умирают на наших глазах. Причина, возможно, не спад пассионарных толчков, как полагал Гумилев, а наступление города на деревню, когда этнические и этнографические границы между людьми стираются, традиции забываются, а особые, диалектные словечки, привезенные из тех или иных мест, намеренно произносятся «правильно», «по-городскому». Этот процесс очень заметен у представителей различных славянских субэтнических групп, в отличие, скажем, от групп кавказских и азиатских, которые стараются создать субэтнические сообщества, диаспоры и внутри них сохранить свою идентичность. В результате идет процесс вытеснения субэтносов из общей этнической культуры современного русского человека. На этом фоне замечательно, что есть люди, готовые возродить свои традиции и обычаи, давать им вторую жизнь.

Музейная экспозиция «В горенке». Фото А. Афанасьева